

Будущее тоталитарного государства в романах Е. Замятина «Мы» и Оруэла «1984 год». Сравнение утопии и антиутопии.

План	
Введение	3
1. Что такое тоталитаризм?	5
2. Утопия – антиутопия	11
3. Тоталитарный режим в исполнении Замятина	15
4. Оруэл и его роман «1984 год»	19
Заключение	28
Список использованной литературы	29

Введение

В XX веке, в эпоху жестоких экспериментов по проведению в жизнь утопических проектов, антиутопия окончательно оформляется как самостоятельный литературный жанр.

Фантастический мир будущего, изображенный в антиутопии, своей рациональной выверенностью напоминает мир утопий. Но выведенный в утопических сочинениях в качестве идеала, в антиутопии он предстает как глубоко трагический. Антиутопия изображает «дивный, новый мир» изнутри, с позиции отдельного человека, живущего в нем. В таком человеке, превращенном в винтик огромного государственного механизма, и пробуждаются в определенный момент естественные человеческие чувства, не совместимые с породившей его социальной системой, построенной на запретах, ограничениях, на подчинении частного бытия интересам государства. Так возникает конфликт между человеческой личностью и бесчеловечным общественным укладом. Антиутопия демонстрирует несовместимость утопических проектов с интересами отдельной личности, доводит до абсурда противоречия, заложенные в утопии, отчетливо демонстрируя, как равенство оборачивается уравниловкой, разумное государственное устройство – насильственной регламентацией человеческого поведения, технический прогресс – превращением человека в механизм.

Назначение утопии состоит, прежде всего в том, чтобы указать миру путь к совершенству, задача антиутопии – предупредить мир об опасностях, которые ждут его на этом пути.

Среди лучших антиутопий XX века – романы О. Хаксли, Г. Уэллса, Д. Оруэла, Р. Брэдбери, А. Платонова, братьев Стругацких, В. Войновича. Первым же произведением, в котором черты этого жанра воплотились со всей определенностью, был роман Евгения Замятина «Мы», написанный в 1920 году.

Цель данной работы – на примере двух произведений рассмотреть и проанализировать воззрения относительно будущего тоталитарного государства их авторов – Замятина («Мы») и Оруэла («1984 год»), а также – подвергнуть более детальному разбору сущность тоталитаризма и понятий утопии и антиутопии, что видится необходимым для более полного понимания авторских позиций в созданных ими произведениях

Что такое тоталитаризм?

Феномен тоталитаризма не перестает приковывать к себе внимание исследователей. Он остается одним из центральных объектов изучения современной политической науки, особенно, в нашей стране.

Изучение тоталитаризма имеет большое значение в свете переживаемого Россией перехода тоталитаризма к демократии.

Наиболее явно тоталитаризм в нашей стране проявился в годы правления Сталина (т.е. в 1929–1953 г.г.) Большеви́стская диктатура эпохи Ленина и первых лет после его смерти, как и постсталинский режим, менее соответствовали «идеальному типу» тоталитаризма, чем сталинизм.

Говоря о политической системе тоталитаризма надо отметить, что при данном режиме других подсистем фактически не существует. Политическая система поглощает духовную, социальную и прочие подсистемы. Все общество оказывается подчиненным тоталитарному государству.

Важнейшей характеристикой тоталитаризма является ориентация на тотальное единство всех сфер социальной жизни. Тоталитаризм стремится к слиянию частного и публичного, семьи, общества и государства, вождя, партии, масс. Главным инструментом превращения общества в безликую массу является террор, распыляющий не только все социальные группы, но и те группы людей, нормы и ценности которых выступают для человека эталоном, и в которых он может найти защиту и поддержку (семья, религиозная община, нация и т.д.) В результате человек остается один на один с партией-государством.

Любые групповые образования подлежат распылению, поскольку они потенциально ограничивают господство единственной партии, ставят предел ее власти над обществом. «Тоталитарное правление всегда превращает классы в массы», отмечала Х. Арендт¹.

¹ Кричкис С.А. Тоталитаризм – смерть общества. М., 1993. С. 71

При тоталитаризме приказы власти и идеология правящей партии проникают во все сферы общественного организма, в экономику, культуру, общественную и частную жизнь. Даже моральные ценности предписываются тоталитарным государством.

Любое принимаемое властями решение в той или иной сфере является политическим и обосновывается идеологически (правда, обычно обоснование лишь маскирует истинные причины принятия данного решения). Еще Ленин, заложивший основы первого в истории тоталитарного государства, требовал всеобъемлющего партийного контроля над жизнью общества:

«Вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу», – заявил он в 1920 году².

Однако при жизни Ленину не удалось довести до конца тотальный партийный контроль над всеми сферами жизни общества.

При тоталитаризме власть, принимая какие-либо решения или осуществляя те или иные шаги, только воздействует на общество; никаких сигналов в обратном направлении – как реагирует общество на действия власти – не поступает.

Еще одной характерной особенностью политической системы тоталитаризма является тот факт, что, хотя общество политизировано сверху донизу, реальная политическая жизнь протекает лишь на самой вершине властной пирамиды.

Политическая система тоталитаризма включает в себя саму политическую бюрократию и набор инструментов (аппарат пропаганды, секретную полицию и т.д.), с помощью которых она удерживает власть. По мере уничтожения других партий и в результате слияния партийной и

² От Беловодья до... Бабаевского. О рус. социальных утопиях XX в. // Кн. обозрение. – 1989 – 28 апр. (№ 17). С. 36–37

государственной структур возникает феномен, который можно назвать «партия-государство».

Лишь принадлежность к партии создает возможность служебного продвижения, поскольку ей принадлежит эксклюзивное право распределения должностей. Принципиально важно то, что после установления однопартийной диктатуры партия расслаивается на «внутреннюю партию» (привилегированный аппарат) и «внешнюю партию» (рядовые члены), если использовать терминологию Д. Оруэла. Привилегии и материальные преимущества члена правящего класса прямо зависят от его положения на иерархической лестнице, от степени участия его во власти, от объема власти, которой он располагает.

Именно с существованием класса политической бюрократии связано такое явление как культ вождя партии. Тоталитарному лидеру приписываются сверхъестественные свойства: непогрешимость, всезнание, всемогущество, способность думать за всех и т.д.

Тоталитарный лидер делает себя центром, вокруг которого группируются эгоистические устремления людей, составляющих правящую бюрократию, прежде всего именно они и создают ему культ.

Существенно, что и после смерти лидера культ автоматически переносится на любого человека – пусть даже посредственного, – занимающего его кресло.

Все существующие при тоталитарном режиме организации (молодежные, профессиональные, спортивные и т.д.) служат звеньями единой организации, управляемой партийным аппаратом.

Тоталитарная идеология имеет мало общего с какими-либо взглядами или убеждениями, прежде всего она является инструментом манипуляции массами и укрепления власти над ними политической бюрократии. Идеология при тоталитарном режиме может быть скорее определена как «ложное сознание», которое отражает материальные интересы правящей

бюрократии и мистифицирует реальные отношения в тоталитарном обществе, стремится замаскировать истинный характер данного общества, причем сама правящая элита не связана своей доктриной.

Таким образом, в тоталитарном обществе присутствует как бы две идеологии. Одна система ценностей существует для политической бюрократии, другая – для остального населения.

Основная функция тоталитарной идеологии – узаконение данного режима. Идеология должна постоянно обосновывать право на власть партии и вождя, превозносить героическое прошлое партии и рисовать радужные перспективы, к достижению которых прикладывают все усилия партия и вождь. Пропагандируются и те законы (исторические и биологические), в силу которых победа данного режима якобы была неизбежной.

Краеугольным камнем тоталитарной идеологии является утверждение, что данный социальный порядок сформирован в результате действия исторической и природной необходимости. В случае коммунизма пропагандируются неизбежность победы пролетариата над буржуазией в классовой борьбе и неизбежность наступления социалистического общества.

В случае нацизма, что решающей движущей силой истории является «борьба народов и рас друг против друга», в этой борьбе происходит «естественный отбор лучших народов и рас».

Другой функцией тоталитарной идеологии является мобилизация масс для выполнения поставленных режимом задач и удерживание масс в «состоянии готовности», ибо как только напряжение в обществе спадет, может возникнуть вопрос о политической свободе. Поэтому тоталитаризм должен постоянно поддерживать и направлять активность масс (путем поиска новых врагов, подготовки к войне, организации различных кампаний, зачастую кампаний по осуществлению каких-либо грандиозных экономических планов).

Третья функция тоталитарной идеологии – превратить человека, воспитанного в духе христианской морали в послушное орудие тоталитаризма для осуществления его планов. Здесь требуется дать ему новый набор моральных принципов. Тоталитарная идеология нейтрализует моральное отвращение, вызываемое или действиями власти, или поступками самого вовлеченного в них человека. Идеология убеждает в оправданности любых жестоких мер, предпринимаемых против врагов.

Тоталитарная идеология является абсолютно нетерпимой ко всем другим идейным течениям и точкам зрения, и эта нетерпимость пронизывает всю политическую систему, хотя очевидно, такая позиция уничтожает все виды свобод (слова, выбора, и т.п.)

Для пропаганды тоталитарной идеологии используются всевозможные каналы: СМИ, кинематограф, а также литература и искусство. Тоталитарный режим постепенно стирает различия между обучением и пропагандой в образовательных организациях, прежде всего детских и молодежных.

Нельзя не сказать, что тоталитаризм для ликвидации политических противников нуждается и в системе террора.

Созданная партией секретная полиция может ликвидировать как отдельных политических оппонентов, так и целые социальные или национальные группы, которые тоталитарный режим стремится – в соответствии со своей идеологией – уничтожить; может служить и для искоренения внутрипартийных оппозиционных группировок и любых конкурентов правящей партии.

Для изоляции политических противников используется система концентрационных лагерей. Когда все оппозиционные группировки в обществе и партии разгромлены, а все референтные группы распылены, brutальный физический террор – как показывает пример постсталинского СССР – может ослабеть и отойти на второй план, уступив место преимущественно психологическому террору. Особенность тоталитарного

режима и террора заключается в том, что при тоталитаризме террор – физический и психологический – становится обычным инструментом управления обществом наряду с иными инструментами, находящимися в распоряжении политической бюрократии.

Характерными для политической системы тоталитаризма являются отсутствие равенства всех граждан перед законом и судом, социальная, национальная и политическая дискриминация. В то же время тоталитарная элита и ее вождь стоят над законом и судом. Законы государства не имеют силы для партии и ее членов, а это означает, что действия партийного государства неправозаконны (так как отсутствует верховная норма права, обязательная и для управляющих и для управляемых). Член тоталитарной партии неподсуден, и пока он не исключен из нее, не может предстать перед судом. Власть диктатора и партийной олигархии ничем не ограничена, поскольку отсутствуют силы, способные поставить ей предел, заставить диктатора и руководство партии соблюдать законы.

Утопия–антиутопия

Утопия — это именно представление и соответствующее литературное повествование, причудливо сочетающее художественный вымысел с логическим построением, нередко расцвеченное самыми невероятными подробностями, о лучшем, но не существующем на самом деле мире, о некой выдуманной нездешней или нынешней стране, где люди не знают бед и пользуются полным и безусловным счастьем.

В современной научной литературе понятие «утопия» употребляется в самых различных смыслах, в разном смысловом контексте. Даже в специальных работах, посвященных определению утопии, мы не найдем какого-либо определенного и однозначного истолкования этого понятия. Напротив, здесь часто господствует самая пестрая мозаика концепций и представлений. Одни видят в утопии извечную, никогда не достижимую мечту человечества о «золотом веке», другие, напротив, истолковывают ее в качестве реального принципа, который осуществляется с каждым новым шагом духовного и практического развития человечества. Некоторые видят в ней донаучную форму мышления, нечто среднее между религией и наукой, другие, напротив, связывают ее с развитием современного научного знания. Одни утверждают, что утопия «мертва», что она полностью изжита развитием истории, другие же говорят о широком распространении и даже возрождении утопического сознания.

Такого рода противоречия и антиномии широко распространены в современных работах об утопиях. Поэтому, чтобы хотя бы в общих чертах определить содержание этого понятия, было полезно вспомнить терминологическое значение слова «утопия».

Известно, что термин «утопия» ведет свое происхождение от греческого «у» – нет и «топос» – место. Иными словами, буквальный смысл термина «утопия» – место, которого нет. Так Томас Мор назвал свою вымышленную страну.

Другое истолкование этого термина производит его от греческого «ев» – совершенный, лучший и «топос» – место, т. е. совершенное место, страна совершенства. Оба истолкования широко представлены в утопической литературе: например, «Вести ниоткуда» Уильяма Морриса, «Город Солнца» Кампанеллы и т. д.

Надо заметить, что само понятие утопии – изобретение позднейшего времени. Оно было введено в литературный оборот знаменитым английским гуманистом Томасом Мором (1478–1535), автором фантастического повествования о неведомой доселе стране с наилучшим общественным и государственным строем: «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии» (первое издание – Лувен. 1516). Слово «утопия» было искусственно составлено Мором из двух греческих корней – *ου* (не) и *topos* (место), и буквально означает что-то вроде «Нигдея», «нигдешняя страна» (Т. Мор первоначально использовал латинское новообразование *Nusqama* (буквально также «Нигдея», от латинского *nusquam* – нигде), но затем нашел ему греческий эквивалент (в латинском написании). Однако, хотя термин «утопия» был изобретен лишь в XVI в., самый жанр утопического повествования возник и развился еще в античности. По существу его возникновение сопутствовало рождению самой классической цивилизации, первым шагам греческой литературы, поскольку ростки утопии, как уже указывалось, отчетливо прослеживаются уже у Гомера (рубеж IX – VIII вв. до н. э.), к примеру, в песнях «Одиссеи». В рассказах Гомера – странах, где люди живут блаженной жизнью, чисто художественные опыты, продолжавшие традиции волшебной сказки, но пропитанные интересами и мечтаниями, свойственными человеку рождающегося цивилизованного общества, и организованные в новом литературном, рационалистическом ключе.

Конечно, в более позднее время утопии существенно изменялись, порождали новые жанры и виды утопической литературы. Начиная с XIX

века особое значение приобретают негативные утопии, или антиутопии, которые описывают не столько желаемое, сколько нежелаемое будущее, предупреждая о возможных нежелаемых последствиях научного и технического прогресса. Но сами по себе антиутопии, как бы критичны они ни были по отношению к позитивным утопиям, не означают конец или вырождение утопического сознания.

В России утопическая литература имела широкое распространение. Известно, что большинство русских мыслителей XIX века были утопическими социалистами. Идеи утопического социализма развивали Белинский, Чернышевский, Герцен, и др. Однако долгое время считалось, что в России отсутствовала самостоятельная и оригинальная литературная утопия. Между тем в русской литературе существует довольно богатая традиция, связанная с разнообразными жанрами утопии, например – утопический роман В.Ф. Одоевского «4338 год», сатирическая утопия Г.П. Данилевского «Жизнь через сто лет», и социалистическая утопия Н.Г. Чернышевского в романе «Что делать?», и антиутопии В.Я. Брюсова «Республика Южного Креста» и мн. др. В последние годы достоянием читателей стала находившаяся долгое время под запретом антиутопия Е. Замятина «Мы». Все это свидетельствует, что русский утопический роман был на уровне мировой утопической литературы, а в жанре негативной утопии русские писатели оказывались и намного впереди.

С точки зрения философии, под утопиями, согласно определению Карла Манхейма – автора знаменитой «Идеологии и утопии», следует понимать такие феномены сознания, которые стремятся «преобразовать существующую историческую действительность, приблизив ее к своим представлениям».

Обычно принято делить утопии на древние и современные. К древним утопиям относятся мечты о «золотом веке», которые встречаются уже у

Гомера, описания «острова блаженства», различные религиозные и этические концепции и идеалы.

Древний утопизм завершается в эпоху Возрождения. В это время возникают современные классические утопии, такие, как «Утопия» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, «Христианополис» Андреа, «Новая Атлантида» Фрэнсиса Бэкона. Возникновению современной утопии способствовали два главных факта. Во-первых, великие мировые открытия, которые приводили к открытию новых, до того не известных никому земель. И, во-вторых, разложение христианства, что открывало появление новых форм светского секуляризованного мышления. В отличие от древней современные утопии воплощали идею равенства, концепцию научного и технического прогресса, убеждение, что наука и технические открытия могут улучшить жизнь человека. Тоталитарная идеология оправдывает свои притязания на универсальность тем, что она является истиной в последней инстанции. В то же время очевидно, что провозглашение единственной абсолютной истины в политике уничтожает многообразие взглядов и точек зрения, свободу выбора. Провозглашение в сфере политики абсолютной истины, в конечном итоге, ведет к отрицанию свободы и демократии.

Тоталитарный режим в исполнении Замятина

Уже на первых страницах романа Е. Замятин создает модель идеального, с точки зрения утопистов, государства, где найдена долгожданная гармония общественного и личного, где все граждане обрели наконец желаемое счастье. Во всяком случае, таким оно предстает в восприятии повествователя – строителя Интеграла, математика Д-503. В чем же счастье граждан Единого Государства? В какие моменты жизни они ощущают себя счастливыми?

Очевидно, чтобы создать общество идеальное с точки зрения утопистов, необходимо изменить саму человеческую природу. Авторы утопий чаще всего оставляют без внимания те пути, которыми достигается изображенный ими миропорядок. Даже если картины будущего включены в произведения о современности (Чернышевский), разрыв между несовершенством сегодня и идеальным завтра – огромен. В лучшем случае утописты уповают на разум, но механизм воздействия разума на человеческую природу они не исследуют. В произведениях утопистов революционного направления звучат намеки на необходимость социального переворота, однако сам переворот не изображен. Авторы антиутопий обращают особое внимание именно на пути построения «идеального общества», ибо убеждены, что мир антиутопии – результат попыток реализовать утопию. Единое Государство лишило человека личных привязанностей, чувства родственности, так как всякие связи, кроме как с Единым Государством, преступны. Несмотря на кажущееся единство, «нумера» абсолютно отчуждены друг от друга, и поэтому легко управляемы. Значимую роль в создании иллюзии счастья играет Зеленая Стена. Человек, не имеющий возможности сравнивать и анализировать, становится управляемым и послушным. Государство подчинило себе и время каждого нумера, создав Часовую Скрижаль. Единое Государство отняло у своих граждан возможность интеллектуального и художественного творчества,

заменяя его Единой Государственной Наукой, механической музыкой и государственной поэзией. Стихия творчества насильственно приручена и поставлена на службу обществу. Чего стоят одни названия поэтических книг: «Цветы судебных приговоров», трагедия «Опоздавший на работу», «Стансы о половой гигиене». Однако Единое Государство не чувствует себя в полной безопасности, и создает систему подавления инакомыслия. Это и Бюро Хранителей (шпионы следят, чтобы каждый был «Счастливым»), и Операционное с его Газовым Колоколом, и Великая Операция, и доносительство, возведенное в ранг добродетели («Они пришли, чтобы совершить подвиг», – пишет герой о доносчиках).

Этот «идеальный» общественный уклад достигнут насильственным упразднением свободы. Всеобщее счастье здесь не счастье каждого человека, а его подавление, уравниловка и физическое уничтожение.

Государство умело манипулирует людьми. Этот аспект романа особенно важен, так как проблема манипулирования сознанием актуальна и в наше время. В самом начале романа мы видим, какой восторг вызывает у героя-повествователя ежедневная маршировка под звуки Музыкального Завода: он переживает абсолютное единение с остальными. «Как всегда, Музыкальный Завод всеми своими трубами пел Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера – сотни, тысячи номеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди – государственный номер каждого и каждой. И я – мы, четверо, – одна из бесчисленных волн в этом могучем потоке»³. Заметим, что в вымышленной стране, созданной воображением Замятина, живут не люди, а нумера, лишенные имен, облаченные в юнифы (то есть униформу). Внешне схожие, они ничем не отличаются друг от друга и внутренне. Неслучайно с такой гордостью герой восхищается прозрачностью жилищ. Одинаковостью, механичностью отличается вся их жизнедеятельность, предписанная Часовой

3

Скрижалю. Это характерные черты изображенного мира. Лишить возможности изо дня в день выполнять одни и те же функции значит лишить счастья, обречь на страдания, о чем свидетельствует история «О трех отпущенниках». Символическим выражением жизненного идеала главного героя становятся прямая линия и плоскость, зеркальная поверхность, будь то небо без единого облачка или лица, «не омраченные безумием мысли». Прямолинейность, рационализм, механичность жизнеустройства Единого Государства объясняют, почему в качестве объекта поклонения нумера выбирают фигуру Тэйлора. Восхищаясь гением Тэйлора, герой романа «Мы» неоднократно с явным пренебрежением произносит имя Канта. Интересны воззрения Канта: человек не пассивное создание природы или общества, он способен сам определять свою волю и поведение. Но, признавая за собой право на самостоятельность, человек должен признавать его за всеми окружающими. Исходя из этого, Кант формулирует нравственный закон: «...поступай так, чтобы использовать человека для себя так же, как и для другого, всегда как цель и никогда лишь как средство», «другой человек должен быть для тебя святым»⁴. Противопоставление рационалистической системы мышления (Тэйлор), где человек – средство, и гуманистической (Кант), где человек – цель, проходит через все повествование. Таким образом, идея всеобщего равенства, центральная идея любой утопии, оборачивается в антиутопии всеобщей одинаковостью и усредненностью. Идея гармонии личного и общего заменяется идеей абсолютной подчиненности государству всех сфер человеческой жизни. «Счастье – в несвободе», – утверждают герои романа. Высшее блаженство переживает герой в День Единогласия, который позволяет каждому ощутить себя маленькой частичкой огромного «мы». Герой с иронией размышляет о тайном голосовании на выборах у древних. Автор говорит о том, как абсурдны «выборы» без права выбора, как абсурдно общество, которое их

⁴ Левада Ю. Трудный путь пробуждения: Кошмары и соблазны утопического мира глазами Виктории Чаликовой // Чаликова В. Утопия и культура: Эссе разных лет. М., 1992. С. 37

предпочло. В контексте литературы 20-х годов стремление к подчинению личной воли задачам общественного прогресса было характерной чертой мироощущения человека. Мир в романе Замятина показан через восприятие человека с пробуждающейся душой. Постепенно позиции автора и героя сближаются: нравственные ценности, которые исповедует сам автор, становятся ему близки. Постепенно к герою примыкают и единомышленники – своим поведением бросает вызов Единому Государству i-330, безымянный поэт, сочинивший опасные стихи. О-90 вдруг ощутила потребность в простом человеческом счастье, в счастье материнства. Итак, Единому Государству, его абсурдной логике в романе противостоит пробуждающаяся душа, то есть способность чувствовать, любить, страдать. Единое Государство хотело бы опираться на рабскую покорность, но поскольку речь идет о живых людях, которым свойственны качества живых людей, оно не в состоянии пресечь возникновение «крамольных» мыслей.

Роман замечателен не только тем, что автор уже в 1920 году сумел предсказать глобальные катастрофы XX века. Главный вопрос, который он поставил в своем произведении: выстоит ли человек перед все усиливающимся насилием над его совестью, душой, волей?

Несмотря на достаточно печальный конец романа, все-таки ощущается некий оптимизм автора, который, демонстрируя модель тоталитарного государства, весь его ужас и нелепость, выводит персонажей, способных противопоставить себя зомбированному обществу, жесткой машине государственного правления, способных мыслить и принимать решения, идущие в разрез с общепринятыми установками. Тоталитарное общество, это Единое государство, не имеет шансов на выживание по одной простой причине – в нем есть люди, мыслящие по-другому, способные противопоставить себя лживому и беспощадному государству. Им открылась истина, и они уже не смогут жить, как прежде. Более того, они будут стараться распространить эту истину, быть может даже ценой своей жизни.

Оруэлл и его роман «1984 год»

Немногие романы, написанные людьми нашего поколения, получили такую популярность, как роман Джорджа Оруэлла «1984». Немногие, если таковые вообще были, настолько повлияли на политику. Название книги Оруэлла вошло в поговорку. Слова, придуманные им, – «новояз», «старояз», «изменчивость прошлого», «Старший Брат», «министерство правды», «полиция мыслей», «мыслепреступление», «двоемыслие», «неделя ненависти» и т.д. – вошли в политический словарь; их можно встретить в большинстве газетных статей и в выступлениях, где осуждается Россия и коммунизм. Телевидение и кино познакомили миллионы зрителей по обе стороны Атлантики с жутким лицом Старшего Брата и кошмаром предположительно коммунистической Океании.

Существует мнение, что Оруэлл позаимствовал идею «1984», сюжет, главных героев, символы и всю атмосферу изложения у Е. Замятина, писателя, который остался практически неизвестным на Западе, а заглавие его книги, послужившей Оруэллу образцом, было «Мы». Как и «1984», «Мы» – это «антиутопия», кошмарное видение будущего.

Предположение о заимствовании Оруэллом основных элементов «1984» у Замятина – не домысел критика, питающего слабость к выискиванию литературных влияний. Оруэлл знал роман Замятина и восхищался им. Он написал о романе эссе еще до начала работы над «1984». Оно интересно не только как убедительное доказательство о происхождении «1984», предоставленное самим Оруэллом, но и как комментарий относительно идеи, лежащей в основе как романа «Мы», так и «1984».

В книге Замятина, как говорил о ней Оруэлл, рассматривается «восстание первобытного человеческого духа против рационализованного, механизированного, безболезненного мира»

«Безболезненный» – прилагательное неверное: мир Замятина наполнен ужасами не меньше, чем мир «1984». Оруэлл сам изложил в своем эссе

краткий список этих ужасов, так что эссе сейчас читается как конспект «1984». Члены общества, описанного Замятиным, пишет Оруэлл, «настолько потеряли свою индивидуальность, что различаются только по номерам. Они живут в стеклянных домах..., чтобы политической полиции, известной под названием «Хранителей», было легче за ними следить. Они носят одинаковую форму и человеческое существо обычно называют «номер» или «юниф» (от слова «униформа»)). Оруэлл замечает в скобках, что Замятин писал «до изобретения телевидения». В «1984» уже появилось это технологическое усовершенствование – вместе с вертолетами, с которых полиция наблюдает за домами граждан Океании в первых абзацах романа. От «юнифов» произошли «пролы». В замятинском обществе будущего так же, как и в «1984», любовь запрещена: половые сношения строго нормированы и разрешаются только как действие без всяких эмоций. «Единое государство управляется человеком, известным как Благодетель»⁵ – очевидным прототипом Старшего Брата.

«Руководящий принцип Государства: счастье и свобода несовместимы... Единое государство вернуло (человеку) счастье, забрав у него свободу». Оруэлл описывает главного героя Замятина как «что-то вроде утопического Билли Брауна из Лондон-тауна», которого «все время ужасают охватывающие его атавистические импульсы». В романе Оруэлла этот утопический Билли Браун переименован в Уинстона Смита, но проблема его осталась прежней. Точно также Оруэлл позаимствовал у русского писателя и главный мотив сюжета. Вот как Оруэлл его определяет: «Несмотря на образование и бдительность Хранителей, многие из древних человеческих инстинктов никуда не делись»⁶. Главный герой Замятина «влюбляется (а это, конечно, преступление) в некую I-330» точно так же, как Уинстон Смит совершает преступление, влюбившись в Джулию. И у Замятина, и у Оруэлла

⁵ Предсказания Оруэлла и современная идеологическая борьба / ИНИОН АН СССР. М., 1986. С. 25

⁶ Там же. С. 27

любовная история перемешана с участием героя в «подпольном движении сопротивления». Повстанцы Замятина «не только замышляют низвержение Государства, но даже предаются при опущенных шторах таким порокам, как курение сигарет и употребление алкоголя»; Уинстон Смит и Джулия балуются «настоящим кофе с настоящим сахаром» в убежище над лавкой мистера Чаррингтона. В обоих романах преступление и заговор, естественно, раскрываются Хранителями или Полицией мыслей; в обоих герой «в конце концов спасается от последствий своего безрассудства».

Комбинация «лечения» и «пыткок», которыми и у Замятина, и у Оруэлла бунтарей «освобождают» от атактистических импульсов, пока они не начинают любить Благодетеля или Старшего Брата, практически одинакова. У Замятина «власти объявили, что открыта причина недавних беспорядков: она в том, что некоторые человеческие существа страдают от болезни, называемой воображением. Был обнаружен нервный центр, ответственный за фантазию, и излечение заболевания стало возможным с помощью рентгенотерапии. Д-503 подвергся операции, после которой ему стало легко сделать то, что он все время считал себя обязанным сделать – выдать своих сообщников полиции»⁷. В обоих произведениях акт признания и предательство любимой женщины действует как лечение шоком.

В Океании технологическое развитие достигло столь высокого уровня, что общество могло бы полностью удовлетворить все свои материальные потребности и установить внутри себя равенство. Но неравенство и бедность поддерживаются, чтобы Старший Брат мог пребывать у власти. В прошлом, говорит Оруэлл, диктатура защищала неравенство, теперь неравенство защищает диктатуру. Но какой цели служит диктатура? «Партия стремится к власти исключительно ради нее самой... Власть – не средство; она – цель. Диктатуру учреждают не для того, чтобы охранять революцию; революцию

⁷ Там же. С. 30

совершают для того, чтобы установить диктатуру. Цель репрессий – репрессии. Цель власти – власть».

Хотя сатира Оруэла гораздо сильнее метит в Советскую Россию, чем сатира Замятина, не меньше сходства с Океанией Оруэлл усматривает в Англии своего времени, не говоря уже о Соединенных Штатах. В самом деле, общество, описанное в «1984», воплощает все, что он ненавидел и терпеть не мог в собственном окружении: однообразие и скуку английского промышленного пригорода, «грязное, закопченное и вонючее» уродство которого Оруэлл передал в своем натуралистическом, однообразном, гнетущем стиле; нормирование продуктов и правительственный контроль, которые Оруэлл наблюдал в Англии военного времени; «дрянные газеты, в которых нет почти ничего, кроме спорта, криминала и астрологии, пятицентовые бульварные рассказы, фильмы, пропитанные сексом» и так далее. Оруэлл хорошо знал, что таких газет в сталинской России нет и недостатки сталинской прессы совершенно иного рода. «Новояз» – гораздо меньше пародия на сталинские штампы, чем на «телеграфный» язык англо-американских журналистов, который он терпеть не мог, и с которым как практикующий журналист был хорошо знаком.

«1984» является свидетельством безнадежного разочарования не только в сталинизме, но и в социализме любых форм и оттенков. Это крик из бездны отчаяния. Что же повергло Оруэлла в эту бездну? Несомненно, зрелище великой сталинской чистки в 1936–1938 годах. Как человек чувствительный и честный, он не мог испытывать по отношению к происходящему ничего, кроме гнева и отвращения.

О «1984» писали, что эта книга – плод фантазии умирающего человека⁸. В этом есть доля истины, хотя и не вся истина. Работа над книгой действительно была последней лихорадочной вспышкой в жизни Оруэлла. Отсюда мрачная глубина видения и языка, и почти физическое чувство

⁸ Встреча с Джорджем Оруэллом // Антиутопии XX века: Сб. произведений. – М., 1989. С. 79

пытках, которым он подвергает главного героя. Он отождествляет свое собственное увядающее физическое существование со слабеющим и усыхающим телом Уинстона Смита, которому он передает и в которого он вкладывает свои собственные предсмертные боли. Он проецирует последние спазмы собственного страдания на последние страницы последней книги. Но главное объяснение внутренней логики оруэлловского разочарования и пессимизма следует искать не в предсмертной агонии писателя, но в чувствах и мыслях живого человека, в его судорожной реакции побежденного рационализма.

«Я понимаю как: я не понимаю зачем» – это лейтмотив «1984». Уинстон Смит знает, как функционирует Океания и как действует ее тщательно разработанный механизм тирании, но основная причина и главная цель ему неизвестны. Он обращается за ответом к страницам «Книги», таинственного образца «преступной мысли», написанного Эммануэлем Голдстейном – вдохновителем тайного Братства. Но успевает прочитать только те главы «Книги», которые давали ответ на вопрос «Как?». Полиция мыслей нагрянула к нему в тот самый момент, когда он только приступал к главам, обещающим объяснить «Зачем?», и этот вопрос остался без ответа.

Это было собственным затруднением Оруэлла. Он задавал вопрос «Зачем?» не столько о своей Океании, сколько о сталинизме и великой чистке. Он обратился за ответом к Троцкому: именно у него он позаимствовал несколько отрывочных биографических данных. Фрагменты «Книги», которые занимают так много страниц в «1984», также явный, хотя и не слишком удачный пересказ «Преданной революции».

В романе «1984» господство человека над машиной достигло столь высокого уровня, что общество в состоянии производить блага для каждого в изобилии и положить конец неравенству. Однако неравенство и нужда поддерживаются только для того, чтобы удовлетворить садистские склонности Старшего Брата. К тому же мы даже не знаем, существует ли

Старший Брат в действительности или это только миф. Океанию терроризирует коллективная жестокость партии (не обязательно конкретных ее членов, которые могут быть разумными и благонамеренными людьми). Тоталитарным обществом правит идея садизма.

Конечно Оруэлл писал «1984» как предупреждение. Но предупреждения не получилось, потому что в основе романа лежит безысходность. Оруэлл воспринимал тоталитаризм как нечто, останавливающее историю. Старший Брат непобедим: «Если вы желаете картину будущего, то представьте себе ботинок, топчущий человеческое лицо – навсегда»⁹. Он проецировал зрелище великой чистки на будущее и видел его навсегда там застывшим. Он оказался неспособным воспринимать события реалистически во всем комплексном историческом контексте. События были чрезвычайно «иррациональны» и вследствие этого Оруэлл стал воспринимать их иррационально, подобно психиатру, чей рассудок помутился из-за слишком близкого пребывания рядом с безумием. «1984» фактически стал не предупреждением, а пронзительным криком.

Крик, подхваченный средствами массовой информации того времени, вверг в ужас миллионы людей. Но он не помог им увидеть более отчетливо те проблемы, с которыми боролся мир, не углубил их понимания. Это только увеличило и усилило волну паники и ненависти, прокатившуюся по миру и сбившую с толку простые умы. «1984» научил миллионы видеть конфликт между Востоком и Западом в черно-белых тонах, показал им чудовищное привидение, и чудовищного козла отпущения от всех болезней, которыми страдает человечество.

В начале атомного века мир живет в состоянии апокалиптического ужаса. Это и есть причина, по которой людей так волнуют мотивы Апокалипсиса в произведениях литературы. Однако не Старший Брат выпустил на волю атомного и водородного апокалиптических монстров.

⁹ Там же. С. 83

Главная трудность современного общества состоит в том, что оно все еще не научилось приспосабливать свой образ жизни и свои социально-политические институты к достижениям технического знания. Мы не знаем, как повлияла атомная и водородная бомба на сознание миллионов людей, живущих на Востоке, где боль и страх могут быть скрыты за фасадом поверхностного официального оптимизма.

Произведение английского писателя затронуло исключительно чувствительную струну общественного самосознания. Поэтому его резонанс оказался долгим, провоцируя дискуссии, непосредственно касающиеся труднейших вопросов, которые поставила история нашего столетия¹⁰.

Свидетельства современников обладают незаменимым преимуществом живой и непосредственной реакции, однако нельзя от них требовать исторической фундаментальности. Тем существеннее, что и сегодня, осмысляя феномен сталинизма, мы отмечаем в нем как наиболее характерное немало из того, что было осмыслено и объяснено Оруэллом.

Мы говорим сегодня о насильственном единомыслии, ставшем знаком сталинской эпохи, об атмосфере страха, ей сопутствовавшей, о приспособленчестве и беспринципности, которые, пустив в этой атмосфере свои побеги, заставляли объявлять черным то, что вчера почиталось белым. О беззаконии, подозрительности, подавлении всякой независимой мысли и всякого неказенного чувства. О кичливой парадности, за которой скрывались экономический авантюризм и непростительные просчеты в политике. О стремлениях чуть ли не буквально превратить человека в винтик, лишив его каких бы то ни было понятий о свободе. Но ведь обо всем этом, или почти обо всем, говорил Оруэлл еще полвека назад¹¹ – и отнюдь не со злорадством реакционера, напротив, с болью за подобное перерождение революции, мыслившейся как начало социализма, построенного на демократии и гуманности. С опасением, что схожая перспектива ожидает все

¹⁰ Предсказания Оруэлла и современная идеологическая борьба /ИНИОН АН СССР. – М., 1986. С. 46

¹¹ Там же. С 52

цивилизированное человечество. Теперь легко утверждать, что тревоги Оруэла оказались чрезмерными и что советское общество вопреки его мрачным предсказаниям сумело, пусть ценой страшных утрат, преодолеть дух сталинизма, преодолевая и его наследие.

Тоталитарная идея призвана охватить – в самом буквальном смысле слова – все, что составляет мир человеческого бытия. И лишь при этом условии будет достигнута цель, которую она признает конечной. Возникнет мир стекла и бетона, невиданных машин, неслыханных орудий убийства. Родится нация воителей и фанатиков, сплоченных в единство, чтобы двигаться вечно вперед и вперед, одушевляясь абсолютно одинаковыми мыслями, выкрикивая абсолютно одинаковые призывы, – трудясь, сражаясь, побеждая, пресекая, – триста миллионов людей, у которых абсолютно одинаковые лица. У Оруэла это не навязчивая идея реформатора, вдохновленного вывихнутой идеей; это, за небольшими исключениями, реальность. Парадокс в том, что искренности добиваются насилием, для которого не существует никаких ограничений. Центральная проблема из всех интересующих Оруэла – до какой степени насилие способно превратить человека не просто в раба, а во всецело убежденного сторонника системы, которая раздавливает его, как тот сапог, опустившийся прямо на лицо.

О конкретном прообразе мира, встающего со страниц «1984», спорили, и трудно сказать. Сталинизм, конечно, имеет самое прямое отношение к тому порядку вещей, который установлен в Океании, но не только сталинизм. Это может быть власть Старшего Брата, глядящего с тысячи портретов, или власть анонимной бюрократии. В одном варианте это идеология сталинизма, это доктрина расового и национального превосходства – в другом, а в третьем – комплекс идей агрессивной технократии, которая мечтает о всеобщей роботизации. Но все эти варианты предполагают ничтожество человека и абсолютизм власти, опирающейся на

идеологические концепции, которым всегда ведома непререкаемая истина и которые поэтому не признают никаких диалогов.

Личность по логике этой системы необходимо обратить в ничто, свести к винтику, сделать лагерной пылью, даже если формально оставлена свобода. А власть ни при каких условиях не может удовлетвориться достигнутым могуществом. Она обязана непрерывно укрепляться на все более и более высоких уровнях, потому что таков закон ее существования: ведь она не создает ничего, кроме рабства и страха, как не знает ценностей или интересов, помимо себя самой.

Это О'Брайен, пытающий и расстреливающий в подвалах Министерства любви, лишь с откровенностью формулирует основное побуждение,двигающее тоталитарной идеей, которую привычно украшают, чтобы выдать ее за триумф разума, справедливости и демократии. В XX столетии идея проложила себе многочисленные дороги, став фундаментом утопий, которые, осуществляясь, оказывались кошмаром.

Оруэл показал общество, где это произошло. И оно узнаваемо, как модель, имевшая достаточно слепков и подражаний.

Заключение

Слово «тоталитаризм» стало в наше время очень «популярным». Религиозные деятели объявляют другие конфессии тоталитарными сектами, политики страшат народ возвращением тоталитаризма в случае победы на выборах конкурентов... Если рассмотреть общества, описанные Д. Оруэллом в романе «1984», и Замятиным в романе «Мы», то можно отметить важную общую черту. Различными способами: пропаганда и психическое программирование («зомбирование»), слежка и поощрение доноительства, насаждение коллективизма в быту — лидеры тоталитарных обществ стремятся добиться одной цели: привить всем членам общества абсолютно одинаковое мировоззрение.

Отличные от принятых направления в культуре не только не поощряются, но преследуются как политические преступления, потому что эстетика, отличная от официальной, наводит человека на мысли, отличные от официальной точки зрения.

Для гарантии от превращения государства в тоталитарное требуются разнообразие развитых культур и мировоззрений, представители которых веками живут вместе; отсутствие господствующей философии, морали, культуры. Любая интеллектуальная деятельность, и вообще само существование интеллектуалов подрывает основы тоталитаризма. Потому что интеллектуал — это тот, кому приходят в голову такие мысли, которые не приходят другим. А лидеры тоталитарного общества хотели бы, чтобы всем приходили в голову одинаковые мысли. Кто способен понять, что великие умы прошлого в чем-то ошибались — поймет и лживость официальной пропаганды. Поэтому лидеры тоталитарного общества стремятся в идеале свести любую интеллектуальную деятельность к нулю.

Главную угрозу для тоталитарного общества представляет внешний мир. Все тоталитарные общества, прекратившие свое существование в историческую эпоху, пали под нажимом внешних факторов. Либо

тоталитарное общество терпело военное поражение из-за научного и технического превосходства противника, либо ему приходилось снизить степень тоталитарности с целью создать условия для интеллектуальной деятельности: сократить научно-техническое отставание от внешнего мира, накормить увеличившееся население.

Внешний мир для тоталитарного общества — не только постоянный источник военной угрозы, но и рассадник иного мировоззрения, а также живой пример возможности существования иной формы общества. Из-за однообразия жизни людей в тоталитарном обществе и разнообразия жизни во внешнем мире, из-за неизбежного при тоталитаризме ограничения интеллектуальной деятельности — во внешнем мире всегда найдется пример более комфортной и интересной жизни, который неизбежно станет предметом интереса отдельных членов тоталитарного общества, снизив таким образом степень его тоталитарности. Отсюда понятно стремление лидеров тоталитарного общества перекрыть поступление информации из внешнего мира. Снижение степени тоталитарности предвещает скорую гибель тоталитарного общества, поскольку сохраняется оно исключительно благодаря своему тоталитарному характеру. Как только в обществе появляются носители иного мировоззрения и информация о том, что во внешнем мире люди живут богаче и интереснее — дни тоталитарного общества сочтены, и никакой сверхмощный карательный аппарат ему не поможет, поскольку «брожение умов» происходит и внутри самого карательного аппарата.

Список использованной литературы

1. Антиутопия Евгения Замятина: Пародия или альтернатива? // Социокультурные утопии XX века: Сб. реф. Вып. 6. М., 1988
2. Встреча с Джорджем Оруэллом // Антиутопии XX века: Сб. произведений. – М., 1989
3. Кричкис С.А. Тоталитаризм – смерть общества. М., 1993
4. Левада Ю. Трудный путь пробуждения: Кошмары и соблазны утопического мира глазами Виктории Чаликовой // Чаликова В. Утопия и культура: Эссе разных лет. М., 1992
5. Несколько мыслей о Джордже Оруэлле: (О романе «1984») // Знамя. – 1989. – № 8
6. От Беловодья до... Бабаевского. О рус. социальных утопиях XX в. // Кн. обозрение. – 1989 – 28 апр. (№ 17)
7. Предсказания Оруэлла и современная идеологическая борьба / ИНИОН АН СССР. М., 1986.
8. Рашковский Е. Предисловие // Чаликова В. Утопия и свобода. М., 1994
9. Страна Утопия. Где она сегодня на карте реальности? // Знание-сила. – 1989. – № 9
10. Чиркин В.Е. Глобальные модели политической системы современного общества «Государство и право». – 1992 № 5